

ДЕВЯТЬ ЛЕТ БЫЛО МНЕ ...

Мама, вновь на дворе
Золотая пора листобая.
Вновь твой голос я слышу во сне...
Что случилось с тобою?
Девять лет было мне.
Я из хаты - на улицу прямо.
Вижу: немец с винтовкой
И ты перед хатою, мама.
Не стреляет солдат.
Долго целится он почему-то.
Год быстрее пролетает,
Чем тянется эта минута.
Грянул выстрел. Его
Повторило раскатисто эхо.
Я заплакал, а немец
Затрясся от хриплого смеха.
Я взглянул - ты стоишь,
Видно, пуля ударила выше.
И на голову пыль
Оседала с соломенной крыши.
Я гляжу - ты жива!
Голова твоя сделалась серой.
Это пыль от соломы
На волосы густо осела.
Так осела, что после
Не смыть её было водою.
Всё прошло, а тебя
С той поры называют седою.

ПОСЛЕДНИЙ УРОК

Мела метель, дороги заметая.
Дрожали на морозе провода.
А мы стояли на ветру у школы,
Своим дыханьем согревая пальцы,
Стояли молча.
А вокруг ходили
Те, что согнали нас сюда, на площадь,
Под окрики и лающую речь.
И вдруг толпа у школы всколыхнулась,
И шёпот робко по рядам пополз,
И я увидел - по дороге к школе
Шёл мой учитель, тяжело ступая.
Полубосой, в изодранной рубахе,
Что, пропитавшись кровью, стала тёмной,
Он шёл и за собою на дороге
Следы и пятна крови оставлял.
И вспомнил я, как он совсем недавно
Ходил по этой же дороге в школу
Со стопкой ученических тетрадок,
Как часто нас на мотоцикле летом
Катал он вдоль дороги вечерами,
Как мы его по этой же дороге
Домой из школы провожать любили.
И вот теперь его вели солдаты
Скрутив верёвкой руки за спиной,
Чтоб расстрелять у нас перед глазами
За то, что был он честным человеком,
За то, что был он смелым человеком,
За то, что был он русским человеком.
Взглянул я на дорогу, по которой
В последний раз учитель мой прошёл.
Мела метель...

И пятна на снегу
Она ещё засыпать не успела.
Учитель мой, прости меня, мальчишку-
Я об уроках забывал порою,
Но твоего последнего урока
Я не забуду.
Слышишь - не забуду.

ТЫ ПОМНИШЬ, МАТЬ...
Матери моей,
Прасковье Ивановне, посвящаю

Ты помнишь, мать,
Была такая стужа,
Такая вьюга на дворе была,
Что нам казалось - вдвое стали уже
Проулки поседевшего села.
А их вели,
Их трое - пленных — было,
Полураздетых и полубосых.
Ты помнишь, мать, как деду говорила
О том, что коммунист один из них.
Сама себе шептала ты: "Надейся,
Господь пошлёт,
Останутся в живых.
И только полицейские партейца
Не распознали бы в одном из них".
Ты помнишь, мать,
Среди людского гула
Их - трех солдат - и немцев с двух сторон.
- Кто коммунист из вас? -
И ты вздохнула:
"Ах, только бы себя не выдал он".
Паук на флаге корчился над школой,
И ветер жёг, тесней сжимая нас.
- Я коммунист! -
И вышел полуголый,
А был годами он, как я сейчас.
Ты отвернулась: "Что же будет, что же?"
Закрыла мне глаза рука твоя.
Ты помнишь, мать,
Второй сказал: - Я тоже, -
И третий следом за вторым: - И я!
Они встают передо мной живыми
Под вьюгою, за школой, у ворот...
Послушай, мать,
Когда бы я был с ними,
Клянусь, я тоже вышел бы вперёд.

БАЛЛАДА О БЕРЁЗОВОМ ЛИСТЕ
Памяти И.Б.

Окровавленный, избитый, он очнулся на рассвете
И увидел те же стены, тот же сумрачный подвал.
Сквозь решётку свет сочился, за окошком резкий ветер
С тонкой гнущейся берёзы листья жёлтые срывал.
Вспомнил он допрос вчерашний, вспомнил пытки и угрозы
И последнее решение: на рассвете - казнь, расстрел.
Вдруг упал на подоконник хрупкий жёлтый лист берёзы.
На глазах у часового он в окошко залетел.
Напрягая силы, узник приподнялся на колени,
Дотянулся до окошка и достал дрожащий лист.
И совсем забыв о казни, и совсем забыв о плене,

Лист расправил на ладони улыбнувшийся танкист.
Долго он глядел с волнением.
И от этого, казалось,
Стала боль слабей в суставах, стал теплей сырой подвал:
О родном, о самом близком - о деревне, что осталась
На Орловщине родимой, этот лист напоминал.
Этот цвет и этот запах в край родной увёл солдата
Где седая мать, вздыхая, сына ждёт к весне домой.
Вот и яблоня у дома, та, которую когда-то
Он одеждою своею был готов укрыть зимой.
Вот и осень золотая...
Вспомнил он с любимой встречи
И прощанья до рассвета у реки среди берёз.
Листья медленно кружились, листья падали на плечи.
А потом он с ней простился, и любовь на фронт увёз.
Вдруг шаги и скрип засова.
"Вот и смерть пришла... Ну, что же..."
И согретый лист берёзы он прижал к своей груди.
И, казалось, в ту минуту был тот лист всего дороже,
Был тот лист дороже жизни.
Дверь открылась: "Выходи..."

ДВА ОСКОЛКА

Ещё не сделал пахарь круга,
Они открылись, как тоска,
Два извлечённых из-под плуга
Стальных заржавленных куска.
Глядят с ладони зло и колко,
Как раны рваные, страшны,
Глядят на парня два осколка,
Две повстречавшихся войны.
Они мрачны, как непогода,
Загадочны, как тишина,
Война двенадцатого года
И сорок первого война.
Лежат, от солнца съёжась, рядом,
Морщинистые, как кора,
Один осколок от снаряда,
Другой осколок от ядра.
А пахарь... Он на плуг присядет,
И вдруг задумается он:
Не тем ли был сражён прапрадед?
Не этим ли отец сражён?
И вновь за плуг возьмётся пахарь
С тяжёлой думой о войне,
Пока набухшая рубаха
Не прикипит к его спине.

ПЕРВЫЕ СТИХИ

М.И. Четвертковой-Андреевой

Всю ночь писал,
А мне было тринадцать,
И я забыл про долгий счёт часам.
А утром даже ей не мог признаться:
Сложил стихи, но как -
Не знаю сам.
Боялся -
Отругает за ошибки,
За то, что ручку я не так беру,
Мол, лучше б ты
О рыбаке и рыбке
Получше сказку выучил к утру.

Как ей сказать, чтоб не была в обиде,
Что я пришёл, не выполнив урок,
Что я писал, перед коптилкой сидя,
Писал тайком
И не писать не мог.
Я обращался к вишням и черешням,
В ночи я слышал мирный шум ольхи.
Я написал стихи о ветре вешнем,
О Дне Победы
Первые стихи.
Я видел у белеющей берёзы
Её, двадцатилетнюю, в слезах.
Я написал
Про солнечные слёзы,
Про слёзы горя
На её глазах.
Ей не дожидать домой отца-солдата,
Цветами холм порос,
Где спит жених.
Она глядела долго вдаль куда-то
И думала, и думала о них.
И плакала от горя и от счастья,
Ученикам шепча, что, наконец,
Дождёшь ты очень скоро брата,
Настя,
И не замедлит, Ваня,
Твой отец...
Казалось мне, что не она -
Другая -
Смеялась с нами, пела в перерыв,
Заботливо цветы оберегая,
Слепые окна школьные раскрыв.
Казалось мне, что не она -
Другая -
Кого, как мать, мне думалось, я знал,
Сурово, строго, у доски ругая,
Кому-то двойку ставила в журнал.
Как ей сказать, чтоб не была в обиде,
Что я пришёл, не выполнив урок,
Что я писал, перед коптилкой сидя,
Писал всю ночь
И не писать не мог.

ТАКОЕ НЕ ПРОСТИТСЯ НИКОГДА
Мне было в том году неполных десять,
Когда пришёл фашист в начале дня,
Чтобы меня в моём саду повесить
Или в моей же хате сжечь меня.
Под детский плач он всё решил заранее,
Он всё учёл под оружейный гул,
И окна школы, где цвели герани,
Колючкой ржавой он перечеркнул.
Моя тропинка с зеленью медвяной,
Где от цветов кружилась голова,
Легла от дома к школе чёрной раной
Его противотанкового рва.
Я видел сам со школьными друзьями,
Как у него не дрогнула рука
Свалить, столкнуть, живым засыпать в яме
Учителя, седого старика.
Его штыком мальчишка был заколот
За то, что, плакать не имея сил,
Ручонками и ртом - такой был голод -

Мальчишка есть у матери просил.
Нам не забыть - за это мы в ответе, -
Как, обращаясь к мёртвым и живым,
Взывают к мести женщины и дети,
В моём краю расстрелянные им.
Будь русским ты, поляком или немцем,
Будь из норвежцев или из мадьяр, -
Твоих друзей сгонял фашист в Освенцим
И сталкивал под пули в Бабий Яр.
Нам не забыть, пройдя сквозь все тревоги,
Сквозь сто смертей и тысячи обид,
Что он раздавлен в собственной берлоге,
Но он ещё поныне не добит.
Ничто не прощено и не забыто,
А бундесверский Бонн уже готов
Помиловать убийцу и бандита,
Простить его за давностью годов.
Мы знаем всё об этом человеке,
Он не уйдёт от правого суда:
Такое не забудется вовеки,
Такое не простится никогда.

ЛИТОВЦЫ НА ОРЛОВЩИНЕ Юстиншу Марцинкявичюсу

Мы проходим втроём.
А в деревне такая погода!
Мы проходим втроём - в грозный год познакомились мы.
И плывут перед нами дымы сорок третьего года,
Наяву, словно тучи, плывут бесконечно дымы...
По деревне они растекались, густые и сизые,
Переулками узкими плыл нарастающий гул.
Над землею поднявшийся воин Литовской дивизии,
В небо выкатив солнце, подвальную дверь распахнул.
Распахнул и сказал:
"Братя, русское солнце примите!"
И глазами прожёт неживую подвальную тьму.
И худые ручонки притихшего мальчика Мити
Среди рук и ручонок из тьмы потянулись к нему.
Распахнул и сказал:
"Поднимайтесь, друзья, обживайтесь!"
И на Запад ушёл по обугленной, чёрной траве.
Я не знаю, но чудится мне: это был Межелайтис,
По орловским дорогам спешивший навстречу Литве.
Чтобы, жизнью рискуя, от будущих шквалов спасти нас,
Уходил он, жалея ромашки у пыльных дорог.
А над Неманом где-то притихший мальчишка Юстинас,
Ожидая его, всё глядел и глядел на Восток.
На Восток, где дымы растекались, густые и сизые,
Переулками узкими плыл нарастающий гул,
Где поднявшийся воин Литовской стрелковой дивизии,
В небо выкатив солнце, подвальную дверь распахнул...
Мы проходим втроём, а в ушах, как вчера, канонада,
И как будто земля канонадою оглушена.
Мы молчим, и сегодня ни слов и ни жестов не надо,
Потому что сегодня за нас говорит Тишина.

* * *

По-бабьи на людях бедовы,
А дома по-бабьи грустны
Мои деревенские вдовы,
Что любят рассказывать сны.
А в снах - беспокойные страхи

Являются, горе тая, -
К ним сходят мужа с фотографий,
Совсем молодые мужа.
Седыми ночами им снится,
Что встретиться вновь суждено,
А каждому - только под тридцать,
А каждой - за сорок давно...

СОВЕТСКОМУ СОЛДАТУ

И в будний день и в праздничную дату
Мы чтим его,
Как чтим всякий раз,
Но в День Победы к нашему Солдату
Особое почтение у нас.
Сегодня небо синее такое,
Зелёная земля,
И потому
Страна труда и мирного покоя
Встаёт - как лучший памятник
Ему.
Цветут улыбки праздничного Мая,
Под стать природе,
Маю самому,
И стар и мал, друг друга обнимая,
Стоят - как добрый памятник
Ему.
С утра ковать уходят жизнелюбы
И свет и счастье Веку своему,
И пушки мира - заводские трубы -
Дымят - как гордый памятник
Ему.
Штурмуя космос, в дальней дали где-то
Спокойно, словно
В собственном доме,
Крылато за ракетой ракета
Летят - как мирный памятник
Ему.
Огонь бессчётных звёзд на обелисках
Не погасить
Вовеки никому,
Бессмертные сердца родных и близких
Горят - как верный памятник
Ему.
Солдат моей страны, во имя света,
Пройдя сквозь сто смертей,
Развеял тьму,
От рабства им спасённая планета
Живёт - как вечный памятник
Ему.
И в будний день и в праздничную дату
Мы чтим его,
Как чтим всякий раз,
Но в День Победы к нашему Солдату
Особое почтение у нас.

СОРОК ПЯТЫЙ

Прости меня, отец, что за семь лет
Я в первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет -
Заботливая осень на погосте.
А где твой крест?
Какая-то вдова

Зимой, в метель (мне скажут: это слишком,
Но так и есть) срубила на дрова,
Чтобы сварить похлёбку ребятишкам.
Торчит один пенёк.
Отцовский крест...
Его забыть бы, но тревожна дума:
Да что там крест, куда ни глянь -
Окрест
Пеньки, пеньки глядят на мир угрюмо.
Где раньше рос на крутосклоне лес,
Сегодня куст маячит одиноко.
Как старый нищий,
Сгорбился, облез,
Войною искалеченный до срока.
Зайди в село -
Спокойная душа
Нетронутой останется едва ли:
В моём селе не встретишь малыша -
Четыре года
Бабы не рожали.
Но встань сейчас, отец, и посмотри,
Как на пригорках вырастают хаты
Из самана, из глины,
А внутри
Поют до слёз вчерашние солдаты.
Мы будем жить.
И снова малыши
Дома наполнят плачем или смехом.
И только ты, отец, от всей души
Нас не поздравить ни с каким успехом.
Прости меня, прости, что за семь лет
Я в первый раз к тебе явился в гости.
Ковром сухой травы
Твой холм одет -
Заботливая осень на погосте.

САД ЦВЕТЁТ

Ни пятнышка на небе. Голубое,
Оно лежит, обняв простор земли.
Как будто сговорившись меж собою,
Все облака за окоём ушли,
Чтоб только день унылым, серым не был,
Чтоб были дали за селом ясны,
Чтоб жаворонок,
Ввинчиваясь в небо,
Считал себя хозяином весны.
И день такой, что лучшего не надо.
Лоза, нагнувшись, загляделась в пруд.
Цветёт колхозный сад. А мимо сада
Макарыча на кладбище несут.
Венок, сплетённый из цветущих веток,
Лежит на крышке гроба. А в саду
Стоит шалаш у вишен-однолеток,
Я на него гляжу, чего-то жду.
Висят пучки шалфея и ромашек...
Вот-вот ты выйдешь к нам из шалаша,
Соломенную шляпою помашешь
И двинешься по саду не спеша.
От солнца шурясь,
Тронешь ветку груши
И улыбнёшься:
Двадцать лет назад
Ты тонкий саженец, храня от стужи,

Укрыть своей фуфайкою был рад.
А позже...
Как тебе обидно было,
Когда в колхозный сад пришла война.
Она не ветви яблони рубила -
Рубила руки сторожа она.
Едва ушёл за окские курганы
Пронёсшийся над яблонями шквал,
Ты вновь вернулся в сад,
Очистил раны
И бережно, как мог, забинтовал...
Ни пятнышка на небе.
Голубое,
Оно лежит, обняв простор земли.
Как будто сговорившись меж собою,
Все облака за окоём ушли.
Молчат мужчины, женщины голоса,
Серьёзны, строги лица у ребят.
Макарыча на кладбище уносят,
А сад цветёт,
Цветёт колхозный сад.

САД

Шёл в сад солдат, и с яблонями рядом
Стоял порою молча дотемна.
Была война, но ни одним снарядом
Ни дерева не тронула война.
А он, солдат, пришёл с тоской живою
Сказать, что сил любить деревья нет;
И падал на тропинку головою
Под щиколотки срубленный ранет.
Антоновка цвести не будет в мае,
И не созреет в августе апорт.
И сад редел, редел, не понимая,
Зачем всю жизнь хозяин был им горд?
Стучал топор, и яблони валялись,
В их скорбный час любимые вдвойне,
И не заплакать перед ними силась,
Он плакал, как не плакал на войне.
И в хату брёл, где на него с портрета
В военной форме человек глядел,
Не зная, почему солдат за лето
В своём саду от горя поседел.
В молчанье неприязненным и строгом
Скрестили взгляды долгие они.
"...Чтоб ты не обложил и пни налогом,
Великий вождь, а может, вырыть пни?"
Солдат стоял в немой своей печали,
Всегдашний враг печали и тоски.
А за окном, белея, пни торчали,
Как сжатые от гнева кулаки.